

- *Дискурс социального конструкционизма: критический анализ дискурсивной психологии*
- *Отношение медицинских работников к проблеме появления девиантного материнства и ее профилактике*

УДК 303.442

## Дискурс социального конструкционизма: критический анализ дискурсивной психологии

**С. В. Сивуха**, кандидат психологических наук, доцент

*Основным ограничением дискурсивной психологии — одной из моделей дискурсного анализа — является радикальный конструкционизм. Дискурсный анализ памфлета социальных конструкционистов показал произвольность и необоснованность делаемых ими выводов. Отказ от радикального конструкционизма не повлиял бы на методологию, но позволил бы дискурсивной психологии играть более заметную роль в поведенческих и социальных науках.*

## Discourse of Social Constructionism: Critical Analysis of Discursive Psychology

**S. Sivuha**, PhD in Psychology, Associate Professor

*The main limitation of discursive psychology, one of the discourse analysis models, seems to be its radical constructionism. Discourse analysis of a pamphlet of social constructionists showed that their claims were arbitrary and not supported by their analysis. Rejecting social constructionism would not impact on methodology, but would allow discursive psychology to play more prominent role in behavioral and social sciences.*

Дискурсный анализ — одна из самых интересных и динамичных методологий в социальных и гуманитарных науках. Он способствовал критическому переосмыслению доминирующих теоретических моделей и денатурализации привычных понятий. Вскрывая ограниченность традиционных подходов, дискурсные аналитики часто пренебрегают экспликацией собственных концепций и делают это не без умысла. Нарисовать общую картину дискурсного анализа нелегко: здесь можно встретить две книги с похожими названиями, в которых важнейшие понятия, содержательные акценты и интерпретации не пересекаются. В данной статье обсуждаются теоретические основания одного из самых успешных течений современного дискурсного анализа — британской дискурсивной психологии (ДП) в версии Дж. Поттера, М. Уэтерел и Д. Эдвардса. Это течение выступило с амбициозным пересмотром понятий персонологии, когнитивной и социальной психологии и произвело экспансию в другие области знания.

Непременно декларируемой чертой этого подхода является социальный конструкционизм [1; 2]. Этот термин введен в литературе во избежание

смешения с конструктивизмом как движением в искусстве [1, с. 128]. По существу, «социальный конструктивизм» и «социальный конструкционизм» имеют один общий референт. Утверждается, что социальные и психологические феномены не имеют объективной реальности; они конструируются и овеществляются дискурсами и доступны опыту исключительно через дискурсивные практики. «Масштабы» конструкционизма варьируют в разных публикациях, но чаще приобретают радикальные формы. Психические процессы и явления, наука и профессиональная деятельность, даже вещи и социальные группы, территории и континенты обсуждаются как дискурсивные конструкции.

Идеи социального конструкционизма с самого начала вызвали критику и со стороны реалистов, и в лагере дискурсных аналитиков [3]. Социальный конструкционизм пренебрегает нелингвистическим опытом, например телесными ощущениями, языком танца и спорта [4]. Он не может ответить на вопрос, почему люди используют одни конструкции реальности и избегают использовать другие [5; 6]. Наконец, он игнорирует вли-

яние материальных практик на дискурсивные практики [7].

Как считает М. Хаммерсли [8], конструкционизм представляет собой основную проблему ДП. В отличие, например, от критического дискурсивного анализа, представители ДП отказываются от различения дискурсивной и недискурсивной реальности. Они избегают выстраивать собственную онтологию и присваивают своим действиям статус критической методологии. Модель человека в ДП выглядит тотально риторической. Тем не менее для интерпретации данных и представления результатов анализа привлекается реально существующий «контекст». Это противоречит конструкционистским декларациям, но делает анализ возможным. В противном случае известное исследование языка расизма [9] должно было бы включать дискурсивный анализ конструирования Новой Зеландии, населяющих ее социальных групп, флоры и фауны, истории и географии. Такой исследовательский проект непрактичен и нереализуем.

Для различения дискурсивного и недискурсивного (контекст) представители ДП не используют ясных критериев. Чутье аналитика приобретает решающее значение, а это ставит под сомнение декларируемую эмпирическую ориентацию ДП [10]. Избирательность интерпретаций (нельзя объяснять поведение личностными свойствами или когнитивными механизмами, но можно контекстом или дискурсивными практиками) спорна не только с методологических или эпистемологических, но и с моральных позиций. Дискурсивные психологи видят выход в рефлексивности исследователя, однако в таком переключении внимания с материала на процедуры конструирования Э. Бёрман и Я. Паркер усматривают опасность солипсизма [3, с.167].

Несмотря на провозглашаемое равноправие репрезентаций, в процедуру анализа в ДП неявно встроено предпочтение одних версий текста другим. Выходит, ДП имеет монополию на более правильное понимание атитюдов и предрассудков, чем другие подходы [9]. Нередко аналитик подчеркивает равноправие текстов и приглашает читателя провести дискурсивный анализ опубликованного дискурсивного анализа. Тем не менее таких попыток в литературе найти не удастся. Неслучайно также отсутствие независимых деконструкций одного текстового материала. Сходимость полученных результатов означала бы существование стабильной додискурсивной реальности, а несходимость указывала бы на бесполезность анализа, коль скоро каждое новое прочтение текста выделяет иные дискурсивные практики. В условиях, когда перекрестная проверка отсутствует, читате-

ли принуждены верить в то, что лишь ДП правильно репрезентирует изучаемые феномены.

Без выхода за рамки текста в реальность, имеющую опознаваемые границы, невозможны широкие эмпирические обобщения. Осознавая это, в последнее время ДП уделяет серьезное внимание валидности, надежности, построению выборки текстов [10; 11], т. е. тем критериям качества результатов, которые обоснованы в позитивистской науке. Методологическая необходимость полагания стабильных объектов породила и другую опасность: в этой роли постепенно начали выступать аналитические понятия – репертуары интерпретаций и дискурсивные практики. Выходит, предсуществующие репертуары конструируют социальные группы, а онтологически реальные дискурсивные практики создают субъективности и идентичности.

Панконструкционизм серьезно ограничивает не только методологические возможности ДП, но и ее реформаторские претензии. Как пишут Е. Бёрман и Я. Паркер, «проблема идеализма <проявляется> в акценте на язык за счет невнимания к материальной власти. Хотя власть, несомненно, (вос)производится в дискурсе, она также сохраняется в структурной позиции людей, когда они прекращают говорить. Отношения власти продолжают, когда текст останавливается» [3, с. 158]. Возможность изменения социальной реальности за счет изменения способов говорения – иллюзия. Невозможно реформировать академическую науку лишь дискурсивными средствами, без перераспределения финансовых средств, кафедр, журналов и аспирантов. Невозможность реформ уменьшает критический пафос ДП [12].

Размежевание ДП с когнитивистской социальной психологией и с прямыми интеллектуальными предшественниками – этнометодологией и конверсационным анализом – произошло за счет принятия ценностей радикального конструкционизма. Этот шаг имел серьезную цену – волюнтаризм, солипсизм, обедненный эмпиризм. Проклятие реальности проявилось в том, что ДП не на что опереться, кроме чужих, критикуемых онтологий, и она не видит своих собственных границ и, следовательно, своих возможностей.

Несмотря на попытки диалога [3; 6; 8; 13], позиции оппонентов не смягчаются. Одни (критические реалисты) считают материальные и дискурсивные практики взаимосвязанными, но онтологически независимыми; социальная реальность не исчерпывается языком и дискурсом, материальный мир ограничивает возможности действия, понимания и говорения. Власть проявляется в неравном доступе не только к знаниям и истине, но

и к материальным ресурсам. Другие (конструкционисты) сводят вопросы онтологии к проблемам эпистемологии и отказываются использовать недискурсивные единицы анализа.

Поставить под сомнение конструкционистские (релятивистские) послышки можно несколькими способами, например теоретическим анализом оснований или опытными демонстрациями. Однако внимание конструкционистов избирательно, и они предпочитают не замечать того, что не согласуется с их позицией. Другая стратегия состоит в том, чтобы применить собственный метод ДП и провести дискурсивный анализ работ, выполненных в этой традиции. В качестве мишени для такого анализа выбрана яркая статья Д. Эдвардса, М. Эшмора и Дж. Поттера [14] (далее – ЭЭП). Эта остроумная и воинственная работа риторически разрушает два главных аргумента реалистов – аргумент мебели (необходимость допущения существующей объективной реальности, доступной недискурсивному опыту) и смерти (недопустимость определенных описаний, например, оправдания Холокоста или педофилии). Конструкционистская критика аргументов мебели и смерти была впоследствии развита Дж. Поттером [15].

Дискурсивный анализ выполнен максимально близко к стилю анализа, принятому в ДП [9; 10; 11; 16], и включает многократное прочтение текста, кодирование, идентификацию стратегий, анализ отклоняющихся случаев. Цель в том, чтобы идентифицировать дискурсивные стратегии, используемые для конструирования удобной для авторов версии реальности. В последующем тексте многие детали анализа опущены в связи с недостатком места.

Работа ЭЭП разделена на 15 частей. Лишь первая часть не имеет заголовка. Это кажется неслучайным. Она вводит проблему и делает это так, как если бы других прочтений спора между конструктивистами и реалистами не существовало: «Есть два типа связанных аргументов: Мебель (столы, скалы, камни и т. п. – реальность, которая *не может* быть отвергнута) и Смерть (несчастье, геноцид, бедность, власть – реальность, которая *не должна* быть отвергнута)» [14, с. 26]. (В цитатах сохранено выделение курсивом, использованное ЭЭП). Показателен выбор антиконструктивистского предиката «есть» (there are). Не «мы видим», не «в публикациях упоминаются», не «Б. Латур считает» – есть, т. е. существует до данного текста. Подобная измена конструктивистским ценностям необходима для того, чтобы редуцировать существо спора до удобных и контролируемых рамок. ДП исходит из посылок, которые считает «есте-

ственными». Это *черта*, за которую дискурсивное сомнение не проникает.

*Редукция и подмена* – одна из самых частых стратегий, используемых в статье. Логика оппонентов представляется как набор примитивных приемов. Например, утверждая существование предметов, независимое от субъекта, они бьют кулаками по столу. Суть «дилеммы реалиста» сводится к тому, что «демонстрации... реальности неизбежно семиотически опосредованы» [14, с. 27]; автор этой интерпретации не называется. Позиция оппонентов также редуцируется к попытке скрыть за аргументом мебели как за щитом «более уязвимые вещи», такие как «безумие, социальный порядок, познание», на объективной реальности которых реалисты как раз не настаивают. Подмена видится и в утверждении, что сомнения в методах оппонентов – прием конструкционистов, украденный реалистами [14, с. 35], хотя критический анализ использовался реалистами за столетия до конструктивистских манифестов.

Поскольку реалисты лупят кулаком лишь по части стола и лишь определенное время, ЭЭП любопытствуют, «как именно эта демонстрация, здесь и сейчас, доказывает продолжающееся существование стола и всех других столов, стен, камней и так далее до бесконечности, как обобщается на другие вещи?» [14, с. 29]. Поскольку генерализация повсеместно признается одной из главных проблем внутри самой ДП, переворачивание проблемы и обращение ее против реалистов превращается в *проекцию*: приписывание своих недостатков оппонентам.

Другой прием – *обесценивание позиции* оппонентов и *приписывание им этической неполноценности*. Все, что делают и говорят реалисты, стилистически снижается: «в то время как релятивисты говорят о социальном конструировании реальности, истины, познания, научного знания, техники, социальной структуры... их оппоненты... рано или поздно начинают ударять по мебели, вспоминать Холокост...» [14, с. 26]. Другими словами, релятивисты заняты сложной работой, а реалисты – глупостями, и «обычно обсуждение именно <сложных> вещей заканчивается ударами по столу» [14, с. 27]. ЭЭП восемь раз используют звукоподражание «бабах!» как пример примитивности аргументации реалистов. Пример: «Силы релятивизма собраны вокруг последнего и самого укрепленного замка реализма (форта Мебель), в процессе осады страдая от надоедливой бомбардировки – бабах! бабах! бабах!» [14, с. 27]. Показателен пример спора одних реалистов с другими: «– Я прав, а вы неправы. – Нет, я прав, а вы неправы. – Нет, нет...» [14, с. 35]. Столь же примитивен

и внутренний мир реалиста; для иллюстрации в статье приводится пример внутреннего диалога реалиста.

Стилистического снижения недостаточно, и авторы предъявляют оппонентам *обвинения* в махинациях, использовании «сценической магии», поскольку реалистам нужна «быстрая, грязная и обыденная версия эмпиристского репертуара науки» [14, с. 37]. Реалисты спекулируют на Холокосте, превращая «Зло-которое-нельзя-оправдать» в «Благо-которое-не-может-быть-отвергнуто» [14, с. 33]. Негативной этической оценкой является и утверждение о том, что реализм оправдывает «риторику невмешательства» [14, с. 34].

Напротив, релятивистам *приписываются достоинства*. Иногда это делается многословно: «...Мы ученые, которым свойственно и даже важно заботиться об эпистемологическом и онтологическом статусе притязаний на знание. <...> Релятивизм по своему существу академическая позиция, в которой все истины должны быть доказаны» [14, с. 37]. Иногда совсем скромно: «научный (т. е. релятивистский)» [14, с. 35]. Примечательны претензии на особое положение, на то, чтобы быть «эпистемологией мета-уровня... которая может включить и анализировать и реализм, и релятивизм... как *риторические практики*» [14, с. 41]. Подобные претензии на занятие господствующей высоты, с которой можно рассматривать суетящихся оппонентов, не уникальны. Эту роль присваивали себе «мета-методологии» совершенно разной ориентации, от диалектического материализма до системного подхода. Проблема в том, что для релятивистов *не должны* существовать абсолюты. То, что выступает мета-уровнем в одном анализе, в другом может играть служебную роль.

В статье постоянно подчеркивается уникальная способность релятивистов повергать сомнению и критической оценке любое знание. Однако *все* примеры критического анализа касаются аргументации реалистов (как ее видят релятивисты). Позиция конструкционистов часто не поясняется, не эксплицируется, не обосновывается и нигде *критически не обсуждается*. *Умолчания* являются одной из самых эффективных дискурсивных стратегий ЭЭП. Она облегчается «естественным» делением статьи на разделы. Там, где ожидаются пояснения, авторы переходят к новой теме. В начале статьи они характеризуют себя как «*методологических релятивистов, умеренных конструкционистов, прагматических прагматиков*» [14, с. 26]; пояснений нет – точка, новый раздел. Другой пример интригующих утверждений, не вытекающих из анализа и не подкрепленных аргументами: «реаль-

ность может быть только известной реальностью и потому... создается исследованием, а не предшествует ему» [14, с. 39].

Сложные фигуры умолчания усматриваются там, где авторы конструируют удобную для себя картину. Приписывая реалистам веру в прозрачность метода, в независимость результатов от метода, авторы не упоминают о гносеологических дискуссиях на эту тему. Складывается впечатление, что они борются с реалистами XIX в. Опровергая реальность стола с помощью перехода на субатомный уровень материи, они не упоминают, что проблема уровней реальности обсуждается, скажем, в современной физике или философии. Следуя логике авторов, можно говорить о нереальности Эдвардса (если рассматривать его на уровне внутренних органов), Эшмора (который исчезает на уровне митохондрий) и Поттера (которого удобно рассматривать на уровне элементарных частиц)...

Статья создает впечатление, что аргументы реалистов примитивны и их ошибочность очевидна. Риторическое обесценивание аргументации оппонентов создает невыгодный для авторов *побочный эффект*: зачем выстраивать сложную и остроумную защиту, если реалисты не могут придумать ничего лучше бития по столам? Чтобы исправить ситуацию, конструкционисты вынуждены пояснить, что они имеют дело с «последним и самым укрепленным замком реализма» [14, с. 27], с искушенными и коварными противниками: «сама легкость, с которой мебель... можно мыслить... делает <аргумент> трудным для релятивистской деконструкции и ...легким для реалистской защиты» [14, с. 26]. Приемы реалистов столь коварны, что «ответы – отличным примером является наша статья – проигрывают от того, что выглядят многословными и чрезмерно сложными по сравнению с простотой и краткостью приемов... (“бабах!”)» [14, с. 28]. Подобные отклонения от основных риторических стратегий необходимы для того, чтобы поднять статус спора и повысить ценность ожидаемой победы.

Вывод статьи неожиданный. Авторы констатируют тупик в споре реалистов с релятивистами и продолжают: «Однако (к счастью для нас!) ...тавтологический тупик намного более удобен для релятивистов (часто негативистов), чем для реалистов (всегда позитивистов). <...> Тупик может... рассматриваться как форма победы» [14, с. 40]. Победа в том, говорится далее, что релятивизм смог опровергнуть позицию оппонентов, показал преимущество негативной позиции над позитивной. В чем состоит опровержение, если ситуация тупиковая, т. е. продемонстрировать несущество-

вание реальности не удалось? Два из четырех об-суждаемых далее выходов из тупика (идеи Р. Рорти и П. Фейерабенда) суть не что иное, как повторение преимуществ отрицания над утверждением, релятивизма над реализмом, сомнения над уверенностью. Два других «выхода» (концепции Б. Смит и Б. Латура, предлагающие различать моду-сы реальности и классы реалистов) были отвер-гнуты в одном из первых разделов статьи ЭЭП как недопустимая уступка реализму, который устанав-ливает границу между реальным и сконструиро-ванным, объективным и субъективным, матери-альным и дискурсивным.

Таким образом, статья ЭЭП не достигает цели. Тезис не подтвержден, убедительных доказа-тельств нет, а «победой» именуется невозможность выиграть спор. ЭЭП приписывают реалистам «трюк, когда авторы вводят реальность в форме особых описаний, а затем выбивают текстовую лестницу и просят нас считать таким-образом-описанную реальность внешней» [14, с. 31]. В ста-тье ЭЭП текстовая лестница присутствует во всем конструктивистском совершенстве, но то, к чему лестницы бывают приставлены, отсутствует. ДП была бы более успешным предприятием, если бы заботилась об опоре для своих лестниц и о том, куда эти лестницы ведут. Результаты проведенно-го анализа согласуются с выводами Ф. Шмидта в его исследовании социологического конструк-тивизма: «жесткие» конструктивисты «часто захо-дят слишком далеко и делают выводы из своего анализа, которые этот анализ и на самом деле кон-структивистская концепция в целом не в состоя-нии подкрепить» [17]. Отказ от радикального кон-структивизма не затрагивает аналитических процедур дискурсивной психологии и он кажется необходимым для того, чтобы избежать произвола в выводах и включить дискурсивную психологию в общее поле научных практик.

#### Список цитированных источников

1. *Potter, J.* Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background / J. Potter // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences* / ed. by J.T.E. Richardson. — London, 1996.

2. *Филлипс, Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. / Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен. — Харь-ков, 2004.

3. *Repertoires and readings of text in action* / ed. by E. Bur- man, I. Parker. — London, 1993.

4. *Burr, V.* Social constructionism / V. Burr. — N. Y., 2003.

5. *Бэпп, В.* Социальный конструкционизм и психоло-гия / В. Бэпп // *Постнеклассическая психология*. — 2004. — № 1.

6. *Cromby, J.* What's wrong with social constructionism? / J. Cromby, D.J. Nightingale // *Social constructionist psychology: A critical analysis of theory and practice* / ed. by D.J. Nightingale, J. Cromby. — Philadelphia, 1999.

7. *Willig, C.* Beyond appearances: A critical realist approach to social constructionist work / C. Willig // *Social constructionist psychology: A critical analysis of theory and practice* / ed. by D.J. Nightingale, J. Cromby. — Philadelphia, 1999.

8. *Hammersley, M.* Conversation analysis and discourse analysis: methods or paradigms? / M. Hammersley // *Discourse and society*. — 2003. — Vol. 14, no. 6.

9. *Wetherell, M.* Mapping the language of racism: discourse and legitimation of exploitation / M. Wetherell, J. Potter. — London, 1993.

10. *Potter, J.* Discourse analysis and discursive psychology / J. Potter // *Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design* / ed. by P.M. Camic, J.E. Rhodes, L. Yardley. — Washington, 2003.

11. *Hepburn, A.* Discourse analytic practice / A. Hepburn, J. Potter // *Qualitative research practice* / ed. by C. Seale, D. Silverman, J. Gubrium, G. Gobo. — London, 2003.

12. *Cromby, J.* Social constructionist psychology: Almost critical? / J. Cromby, D.J. Nightingale // *International Journal of Critical Psychology*. — 2002. — Vol. 5.

13. *Social constructionism, discourse and realism* / ed. by I. Parker. — London, 1998.

14. *Edwards, D.* Death and furniture: the rhetoric, politics and theology of bottom line arguments against relativism / D. Edwards, M. Ashmore, J. Potter // *History of the human sciences*. — 1995. — Vol. 8, no. 2.

15. *Potter, J.* Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction / J. Potter. — Thousand Oaks, 1996.

16. *Gill, R.* Discourse analysis: practical implementation / R. Gill // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences* / ed. by J.T.E. Richardson. — London, 1996.

17. *Schmidt, V.H.* Oversocialised epistemology: A critical appraisal of constructivism / V.H. Schmidt // *Sociology*. — 2001. — Vol. 35.

*Дата поступления статьи в редакцию: 20.12.2008 г.*